

В СТРАНЕ ЛИНДВОРМОВ

От автора
бестселлера
«Пираты Ледового
моря» и лауреата
премии Астрид
Линдгрен

Фрида Нильсон

миоо

МИФ Детство

Фрида Нильсон
В стране линдвормов

«Манн, Иванов и Фербер (МИФ)»

2020

УДК 82-312.9
ББК 84(4Шве)6-445

Нильсон Ф.

В стране линдвормов / Ф. Нильсон — «Манн, Иванов и Фербер (МИФ)», 2020 — (МИФ Детство)

ISBN 978-5-00-169983-5

Сказочная история от известной шведской писательницы Фриды Нильсон о взаимовыручке и поддержке, о смелости и отстаивании своего мнения, о том, как оставаться человеком даже в самые трудные времена. Сем и его младший брат Иммер – сироты. Мальчики живут у злобной тетки Тюры, которая заставляет их работать в мастерской с утра до ночи. Однажды братья встречают говорящую крысу по имени Чернокрыс. Он рассказывает им про прекрасную страну линдвормов, которой правит добрая королева Индра. Всю свою жизнь королева мечтает стать матерью и была бы рада усыновить Сема и Иммера. Мальчики соглашаются пожить в замке. Днями напролет они играют, едят сладости. Но вскоре Сем понимает, что Индре нравится его младший брат, а вот к нему королева не питает нежных материнских чувств. Да и слуги-звери ведут себя подозрительно: мечтают вернуться в лес и не очень-то рады угождать Индре. А еще удивительно, что в этой стране не живут люди. Какую же тайну скрывает королева Индра? Для кого эта книга Для детей от 10 лет. Для всех любителей фэнтези. Пять причин прочитать книгу • Пронзительная книга о приключениях двух братьев от автора бестселлера «Пираты Ледового моря». В 2021 году Фрида Нильсон стала первым лауреатом приза Шведской академии в области детской и юношеской литературы. • Прекрасный художественный перевод Елены Тепляшиной. • Атмосферная сказка, где есть говорящие животные, волшебство и настоящая пугающая тайна королевы линдвормов. Сказка, где вымысел и реальность тесно переплетены между собой. • Идеальна детям от 10 лет и всем любителям фэнтези. • Пересказать все смыслы этой книги невозможно. И подросток, и взрослый найдет в ней что-то свое. Эта история о взаимовыручке и поддержке, об ответственности за свои поступки, о смелости и отстаивании своего мнения, о том, как оставаться человеком даже в самые трудные времена. На русском языке публикуется впервые.

УДК 82-312.9
ББК 84(4Шве)6-445

ISBN 978-5-00-169983-5

© Нильсон Ф., 2020
© Манн, Иванов и Фербер
(МИФ), 2020

Содержание

Сем и Иммер	7
Поход в мастерскую	11
Лаз в земле	14
Стоглазая палка	19
Дорога	22
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Фрида Нильсон

В стране лндvormов

Серия «Невероятные миры Фриды Нильсон»

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав

The original title: Lindormars land

Copyright © Frida Nilsson and Natur & Kultur, Stockholm 2020

Illustration copyright © Alexander Jansson and Natur & Kultur, Stockholm 2020

Russian edition published in agreement with Koja Agency

© Издание на русском языке, перевод, оформление. ООО «Манн, Иванов и Фербер»,
2022

* * *

Свену и Ингмару

Сем и Иммер

У меня есть младший брат. Зовут его Мортимер, ему восемь лет. У него светлые волосы, синие глаза, а на одной щеке ямочка. Он кажется мне лучшим братом в мире, но это просто потому, что я очень его люблю. Иногда он бывает противным, но я всё равно его люблю. А меня зовут Самуэль. Мне одиннадцать лет, и волосы у меня тёмные. Мне кажется, вид у меня самый обычный.

Мы с Мортимером жили у тёти Тюры: она забрала нас к себе, когда наши настоящие родители умерли. Давно это было. Они чем-то заболели – и вот их уже нет на свете. Сначала мы с Мортимером несколько лет жили в приюте. А в один прекрасный день на пороге появилась тётя Тюра, посмотрела на нас своими блёклыми глазами и сказала:

– Теперь, мальчики, вы будете жить со мной.

– А у вас хорошо? – спросил я.

– Конечечко, – пропела она.

И мы ей поверили.

Стояла весна, светило солнце. Мы шли через весь город в свой новый дом. В канаве росли одуванчики. Мортимер наклонился, сорвал один и протянул тёте Тюре. Стебелёк был коротковат, но Тюра рассмеялась: «Вот спасибо!» И я подумал: какая она добрая. Хорошо, что мы будем жить у неё.

Но после этого дня тётя уже больше не смеялась. Окна её жилища на втором этаже выходили во двор, да и жить там было не так уж хорошо, как обещала Тюра. В этой тёмной, сырой комнатухе у нас с Мортимером даже кровати не было – мы спали на матрасе за дымоходом. На следующий день тётя Тюра объявила, что мы должны научиться работать: если хочешь, чтобы голод не заглядывал к тебе в дом, нечего сидеть сложа руки. И детям работа найдётся.

Тюра зарабатывала тем, что полировала посуду из нейзильбера – «нового серебра». Поначалу кажется, что «новое серебро», наверное, даже красивее, чем простое старое. Но на самом деле нейзильбер этот вроде ненастоящего серебра, его у нас в одной мастерской делают. Клепают обычный кофейник из сплава, а потом опускают в ядовитую жижу посеребрить. На кофейнике остаётся серебристый налёт, который выглядит как настоящее серебро. Но на самом деле это просто металлический кофейник в нарядной одежке.

Как бы то ни было, Тюра была полировщицей в этой «серебряной» мастерской. Каждое утро она приносила оттуда посеребрённую утварь, на которую следовало навести блеск. Вечером Тюра относила в мастерскую готовые вещи. И чем больше она успевала сделать, тем лучше ей платили. Этому же ремеслу предстояло научиться и нам с Мортимером.

Тюра зажимала коленями пепельницу и объясняла, как её полировать. Сначала надраиваешь узенькой щёткой с деревянной ручкой. Потом берёшь маленький кровавик, тоже на ручке, и так же усердно трёшь им, пока пепельница не заблестит. А теперь надо очень упорно. «Новое серебро» так просто не отполируешь.

– На одну вещь уходит много часов, – сказала Тюра и сунула пепельницу мне в руки, а Мортимеру вручила сахарницу. – А теперь постарайтесь как следует.

И мы стали полировать посуду.

С того самого дня мы с младшим братом с утра до вечера надраивали пепельницы, сахарницы, кастрюли и кофейники. Мы зажимали их коленями и тёрли так, что руки болели и глаза слезились от тусклого света. Ногти у нас лопались, а от едких паров полироли кружилась голова. Прошёл год, другой, мы выбивались из сил, но мастерская лишь извергала всё новые и новые вещи, которые следовало познакомить со щёткой и кровавиком, и конца этому не было.

Иногда – когда мы с Мортимером корпели над очередной сахарницей – со двора до нас доносились детские голоса. Другие ребята играли, смеялись, окликали друг друга. Когда Мор-

тимер слышал их, то становился очень серьёзным. Как будто слышал что-то из другого мира, полного загадок и тайн. Если Тюра выходила на улицу – за дровами или в уборную, – мы с Мортимером сразу бросались к окну, чтобы хоть одним глазком посмотреть на ребят во дворе.

Мы только одним глазком, говорил я. Да, соглашался Мортимер и кивал светловолосой головкой. Но мы почти всегда забывали о времени. Тут-то и являлась Тюра, злая, мечущая громы и молнии из-за того, что мы не надраиваем посуду. Порой ей случалось рассвирепеть

так, что она доставала из-за комода мерзкую узловатую палку и отвешивала мне удар. Раз я старший, говорила она, то мне и следить, чтобы мы работали. От удара, конечно, было больно, но пусть, думал я, лишь бы она не напустилась на Мортимера. Я всегда думал, что если она когда-нибудь ударит моего брата, то я вырву палку у неё из рук и побью её саму. Буду бить, пока не лопнет кожа, пока не покажется кровь, пока тётка, рыдая, не скорчится на полу!

Вы, может, скажете, что я скверный человек, раз у меня такие мысли. Не знаю. Знаю только, что очень люблю своего брата. Если бы кто-нибудь стал его обижать, я бы не сдержался. И ещё мне казалось несправедливым, что он целыми днями должен работать не покладая рук. Пусть бы он играл хоть иногда. По вечерам, когда с посудой бывало покончено, мы с Мортимером так уставали, что просто валились на матрас. Лежали там, в углу, прижавшись друг к другу, и я шептал ему:

- А давай как будто мы ужасно устали.
- Давай, – отвечал он.
- Потому что весь день играли, – говорил я. – Играли с самого утра.
- Да!
- И так заигрались, что забыли отдохнуть.
- Да, здорово было. Я устал и хочу спать. А завтра опять побегу на улицу.
- Спокойной ночи, Мортимер.
- Спокойной ночи.

И он засыпал. А я ещё какое-то время лежал без сна, глядя в окно. Смотрел в небо, на белую луну, и думал о чём хотел. Я мало что помнил из того времени. Из времени, которое было до тёти Тюры, до приюта. Помню только две вещи.

Первое – что у нас были другие имена. Не Самуэль и Мортимер. Нас звали Сем и Иммер. Хотя, когда мы стали жить у тёти Тюры, она сказала, что это не так. Что нас всегда звали Самуэль и Мортимер, а Семом и Иммером нас, наверное, кто-то прозвал. Потом тётя Тюра наложила запрет на прежние имена. Не надо цепляться за прошлое, говорила она, тем более что эти имена ненастоящие.

Но я всё равно думал, что Сем и Иммер – наши настоящие имена. Как будто так зовут двух мальчиков, которые всамделишные мы! Мы просто изображаем Самуэля и Мортимера, чтобы тётя Тюра не разозлилась.

Второе, что я помню, – это как я сидел на кухне у кого-то на коленях, и этим кем-то, наверное, была моя мама. Я не помню её лица, зато помню, как она говорила мне:

- Ты живёшь у меня в сердце.
- Я спрашивал:
- Твоё сердце – это дом?
- Да, – отвечала она, – красный домик, и в нём две комнаты. Иммер тоже там живёт.
- Я прижимался ухом к её груди и слушал:
- Там что-то громко стучит!
- И она, смеясь, объясняла:
- Сем и Иммер прыгают на кровати.

Как часто я вспоминал эти слова! И как часто мне хотелось в домик, где мы когда-то жили. Хотелось сильно, до боли. Каждый день я страшно уставал, но иногда по несколько часов не мог уснуть. Всё плакал и плакал, потому что не жить нам больше в том красном домике. Мы теперь живём у злой тётки Тюры в уродливом доме из серого камня. А ведь тот красный домик – наш настоящий дом, так же как Сем и Иммер – наши настоящие имена.

- Однажды – это было не так уж давно – я плакал и случайно разбудил Мортимера.
- Ты чего плачешь? – спросил он.
- Мне грустно.
- Почему?

– Потому что мы с тобой живём у тётки Тюры. Потому что нам нельзя играть. А ещё потому, что мне нельзя называть тебя Иммером.

– А почему ты хочешь называть меня Иммером?

Я сел на матрасе. Луна светила холодно, меня пробрала дрожь. Я знал, что Мортимер, когда мама с папой умерли, был очень маленьким и ничего не помнит. В ту ночь именно это показалось мне ужасным. Что воспоминания есть только у меня. А вдруг я всё забуду? Потому что если тебе не с кем разделить воспоминания, то откуда тебе знать, что они настоящие?

– Слушай меня, – сказал я и обнял Мортимера. – На самом деле тебя зовут не Мортимер. Тебя зовут Иммер. А меня Сем. Понимаешь? Так нас называли мама с папой. Когда мы ещё жили в красном домике. И целыми днями играли.

– Правда?

– Правда.

Может, я и приврал немного, потому что не помнил в точности, как всё было в то далёкое время. Я просто чувствовал, что, когда мы жили в красном домике, каждый день был счастливым днём.

– Но, – продолжал я, – эти имена нельзя произносить вслух. Мы о них можем только думать. Так решила тётя Тюра.

– Почему она так решила?

– Она думает, что это ненастоящие имена, – объяснил я. – Но мы-то с тобой всё знаем.

Он кивнул.

– Дай честное слово, – попросил я, – что никогда не забудешь, как тебя зовут.

– Честное слово.

Тогда я ещё раз крепко обнял братика в холодном свете луны, ткнулся носом в его светлые пушистые волосы и сказал:

– Мы всегда будем друг другу лучшими друзьями, правда?

И Мортимер ответил:

– Всегда.

Так всё и началось. Из-за наших настоящих имён. Не напомни я Мортимеру, что на самом деле его зовут Иммер, мне и рассказывать сейчас было бы не о чем: ничего бы просто не произошло. Не знаю, поверите ли вы моей истории, потому что приключение вышло удивительное – удивительное и опасное. Но вся эта сказка – чистая правда, и королева Индра говорила мне, что её рассказывали не один, а многие тысячи раз. И по сию пору рассказывают. Каждый день во всех уголках земного шара люди рассказывают её – сказку о стране линдвормов¹.

¹ Линдворм – мифическое существо, напоминающее одноглавого дракона или змея с лапами. *Прим. пер.*

Поход в мастерскую

Через несколько дней после нашего с Мортимером разговора Тюра оступилась на лестнице и подвернула ногу. Я думал, что от её воплей дом рухнет. К вечеру лодыжка посинела, распухла и сделалась похожей на сливу.

– Придётся вам идти в мастерскую за дневной платой, – проговорила Тюра. Она, стена и охая, лежала в кровати. – Поди сюда, я посчитаю.

Мне пришлось подойти к кровати и отдать тётке всё, что мы в тот день заполировали. Пепельницу, две лопаточки для торта и гребень, над которым Мортимер бился с самого утра. Тюра быстро подсчитала, что за всё нам следует двадцать пять эре: десять за пепельницу и по пять за все остальные вещи.

– Старший мастер уходит домой в семь вечера, так что пошевеливайтесь.

Мы приготовились бежать, но в последнюю минуту Тюра схватила меня за руку и, тяжело дыша, подтащила к себе. Блёклые глаза сурово сверкнули.

– И не вздумай являться домой без денег. Слышишь, Самуэль?

Я торопливо кивнул, вывернулся из тёткиной хватки и пустился за Мортимером, который уже бежал вниз по лестнице.

Начиналась весна, снег уже растаял. Мусор и навоз повылезли на свет божий. Вскоре наши босые ноги побелели от холода, но радости у нас не убавилось. Как же чудесно было вдыхать прохладный весенний воздух, какая радость смотреть на чёрных галок в небе, слышать, как крикают на реке утки! Как хорошо, что нам выдался случай сбежать из унылой комнатушки! Мы даже не думали, какое печальное зрелище собой представляем: босые, со сморщенными от полировки руками, в залатанной одежде. В мешке, в котором Тюра относила в мастерскую отполированное за день, я нёс лопаточки для торта и всё прочее; каждая вещица была заботливо обёрнута в ветошь, чтобы не поцарапать. Мортимер скакал то на одной ножке, то на другой, а иногда и на обеих сразу и возмущался, что мы, как рабы, день-деньской полируем все эти лопаточки, пепельницы и прочее. Нейзильберу вообще не место на земле, объявил он.

– Это почему? – спросил я.

– Потому что, если бы не он, мы могли бы делать что хотим!

– Глупый, если бы нейзильбера не было, Тюра придумала бы для нас другую работу.

– Какую, например?

– Башмаки чинить. Или плести корзины – какие, знаешь ли, на рынке продают. Или веники вязать. С сиротами всегда так.

– Да ну? – Мортимер ущипнул себя за подбородок.

– Да без «ну», – сказал я.

Потому что так и есть. Я как-то спросил тётю Тюру: неужели все дети, кого взяли на воспитание, работают как взрослые? И она ответила – да. А почему, спросил я. Тётя Тюра посмотрела на меня так, будто я позволил себе неслыханную наглость, и ответила: «Потому что иначе они никому не нужны».

Мортимер снова ущипнул себя за подбородок и задумался, а потом сказал:

– Ну а если не будет ни башмаков, ни корзинок, ни веников?

– Да ладно. Всегда что-нибудь найдётся.

– Ну и глупо. – И он стал скакать, напевая и бормоча – что именно, мне было не разобрать.

Вдруг Мортимер остановился и показал на что-то пальцем.

– Видел когда-нибудь такую здоровую крысу?

Я обернулся. У сточной канавы сидела и смотрела на нас чёрная зверюга.

– Ну и гадость.

Терпеть не могу крыс. Иногда по ночам я слышал, как они возятся в углах комнатухи, и всегда боялся, что крыса пробежит мне по лицу.

- Она тащится за нами от самой табачной лавки.
- Быть такого не может.
- Нет, может. Я сам видел.
- Крысы не бегают за людьми, – сказал я. – Пошли!

И потянул Мортимера за собой: мимо дома шляпника, мимо молочной лавки, мимо конюшни лошадиного барышника. Вот и река: чёрная блестящая лента, которая выётся через весь город. Мы перешли по мосту на другой берег. Всё это время крыса бежала за нами. У дровяного склада я остановился и прошипел:

- А ну отстань от нас!

Крыса села на задние лапы и поморгала чёрными, как горошины перца, глазками. Повела носом, словно пыталась обнюхать мои слова, вызнать, настоящей или притворной была моя злость. Я топнул ногой, чтобы прогнать крысу, но она не убежала. Нет, она опустилась на все четыре лапы и приблизилась. При этом крыса улыбалась.

Я попятился, чувствуя, как у меня свело желудок. Неужели я сплю стоя? Крысы же не умеют улыбаться! Несколько отвратительно долгих секунд я рассматривал её, не зная, верить своим глазам или нет. И тут Мортимер шагнул вперёд и пнул крысу! Крыса кубарем прокатилась по булыжникам мостовой и замерла. Откуда ни возьмись по улице загремела телега, гружённая всяким хламом. Я не успел ничего сделать, даже подумать ничего не успел – в одну грохочущую секунду тяжёлое колесо прокатилось по крысе. Возница погнала лошадь дальше, и вскоре телега скрылась из виду.

Мы с Мортимером постояли, глядя на тельце. Потом Мортимер сказал:

- Она мне не понравилась.
- Я с трудом сглотнул: во рту у меня пересохло.
- Т-ты видел... То есть, конечно, видел: она нам улыбалась?

Мортимер замотал головой:

- Нет. Хотя вообще-то да. Нам разве не пора идти?

Я снова посмотрел на крысу. Может, встанет, встряхнётся? Вряд ли. Наверное, она умерла.

– Пора, – буркнул я, и мы потащились дальше вдоль дровяного склада. Мне вдруг стало страшно, почему – я и сам не знал. Может, просто испугался, что мы слишком долго там торчали и теперь не застанем старшего мастера.

- Бегом! – сказал я.

– Бегом! – отозвался Мортимер, и мы пустились бегом, мимо механической мастерской, мимо двора, где прошлой осенью был взрыв, и мимо фабрики, где делают спички. Наконец мы добежали до ворот. Несколько раз мы приходили сюда с Тюррой, и я знал, где работает старший мастер. Еле дыша после бега, я посмотрел на узкое окошко. Свет горит! Значит, мы не опоздали!

Мы помчались через двор. Сколько там было интересного! Во дворе сутились рослые мужчины в рубахах до колен; такие же рослые женщины с закатанными рукавами проносили листы проеденного кислотой серебра. Ни те ни другие не обращали внимания на двух мальчишек-полировщиков, так что приходилось смотреть, куда идёшь, иначе затопчут. В подвальном этаже, где стояли паровые машины, что-то грохотало и стучало, а из помещения, которое называлось шлифовальная, доносился шум. Какой-то мальчик, стоя над двумя деревянными ларями, сортировал лом, и грохот металла поднимался чуть не до потолка.

Мортимер забыл, какая дверь нам нужна, но я помнил: зелёная, на которой ручка сидит криво. Мы оказались в коридоре, справа была дверь конторы. Я постучал.

- Да! – гаркнул старший мастер на весь коридор.

Мы открыли дверь и вошли. В кабинете от пола до самого потолка высились полки, заставленные отполированной посудой. У старшего мастера имелся и рабочий стол, но сейчас хозяин, похоже, уже собирался домой. Он как раз сунул в маленькую сумку коробку для завтрака и флягу. Мы поклонились и выложили из мешка отполированное серебро. Мастер подошёл к окну, где было светлее, и стал осматривать вещи. Иногда он что-то неласково бурчал: Тюра говорила, что он бурчит, чтобы люди не слишком гордились собой. Пока мастер рассматривал каждый край, каждое закругление, я думал о крысе, которая попала под телегу. Может, мы зря не попытались помочь ей? Может, мы могли бы спасти ей жизнь?

Ах, да зачем? Крысой больше, крысой меньше – какая разница! К тому же мне ведь просто померещилось, что она улыбается?

Наконец мастер покончил с осмотром. Мы получили свои двадцать пять эре, снова поклонились и выбежали из конторы. В коридоре мы остановились полюбоваться на монетку. Пламя в потолочной лампе было слабым, монетка казалась почти чёрной, но всё же блестела на моей ладони. Надо же – целых двадцать пять эре! Я даже почувствовал себя приличным человеком, ведь у меня в руках столько денег. Я приличнее любого мужчины, любой женщины, что суетятся во дворе мастерской. Я даже приличнее старшего мастера, хотя у него рабочий стол, наверное, битком набит монетами в двадцать пять эре. Мортимер завистливо смотрел, как я прячу монету в карман.

– Вот бы мне двадцать пять эре!

– Так это же не мои деньги, – сказал я. – Я просто отнесу их домой Тюре, а потом их у меня не будет.

Но мои слова Мортимера не утешили. Он тяжело вздохнул и повесил голову. Я поколебался. Деньги должен был забрать я, потому что именно я обещал принести их домой. Мортимер безалаберный, он легко может потерять монетку. Но когда брат так тяжело вздыхает, как его не пожалеть? В конце концов я сказал:

– Можешь понести её до дома. Если сунешь поглубже в карман, пообещаешь, что будешь её беречь и она никуда не денется. Обещаешь?

– Обещаю! – Мортимер, сияя как солнце, затолкал монету в карман тесных штанов. И мы побежали, всей душой радуясь всему подряд: что мы не упустили мастера, а успели вовремя, что у нас почти есть двадцать пять эре, что нас ждёт чудесная прогулка до дома и что небо, мелькнувшее в окошке над дверью, всё ещё светло и прекрасно. Но едва мы распахнули дверь, как я заорал и отскочил назад. Там сидела та самая крыса! Она больше не улыбалась. Строго взглянув на нас, крыса решительно проговорила:

– Извольте больше не пинаться, мои юные друзья. Всё, что мне надо, – это поговорить с вами в тишине и покое. Неужели разговор в тишине и покое может привести к каким-то ужасным последствиям?

Лаз в земле

– Говорящая крыса! – Мортимер присел на корточки и рассматривал крысу, открыв рот. – Самуэль, ты слышал?

Я кивнул, но не смог издать ни звука. Где это слыхано, чтобы крысы говорили? Наверное, надо испугаться?

Да я и испугался. Во всяком случае, немножко. Но крыса выглядела совершенно безобидной. Почти симпатичной. Под носом шевелились усики. Ушки были прозрачными, как лепестки шиповника. Крыса, точнее, крыс встревоженно посматривал на мужчин и женщин, суетившихся во дворе, не глядя себе под ноги.

– Может быть, поговорим в каком-нибудь укромном месте? – предложил он. – Мне лично на сегодня пинков хватило.

Мы с Мортимером кивнули: нам стало страшно интересно, что за разговор нас ждёт. Крыс пустился бежать – очень резво, несмотря на упитанность. Он стрелой промчался через двор, мы – за ним. За воротами мы потеряли крысу из виду, но вдруг из переулка донеслось:

– Я здесь!

Он ждал, сложив лапки на блестящем брюшке и обвив себя розовым хвостом.

– Мы думали, тебя переехало, – сказал я.

– Меня и переехало. Частично.

И крыс кивнул на хвост. Теперь только я увидел у него на хвосте рану, из которой сочилась кровь.

– Посмотрим, вдруг он ещё и срастётся криво. – Крыс покосился на Мортимера.

Наверное, ожидал извинений. Но Мортимер был не из тех, кто просит прощения. Не знаю почему. Просто он такой вот родился.

– Но, – продолжал крыс, – что жаловаться на окровавленный хвост, когда у иных кровоточит само сердце?

При этом он посмотрел так печально, что мне пришлось спросить:

– У кого же это сердце кровоточит?

– Не станем забегать вперёд, – ответил крыс. – Позвольте мне сначала представиться. Меня зовут Чернокрыс, и пришёл я издалека. Из мест, намного зеленее и изобильнее этих! Из мест, где вода чиста как хрусталь, а воздух наполнен ароматом роз и ромашек!

– Это где ж такое? – спросил я.

– Это... хм-м... – Крыс погрузился в раздумья. – Хороший вопрос, мой юный друг... Ответить нелегко... Думаю, можно сказать, что эти места находятся под. – Крыс помолчал и добавил: – Хотя если поразмыслить, то можно с тем же успехом сказать, что они находятся над. Всё зависит от того, как посмотреть, не правда ли?

– Не знаю, – осторожно сказал я.

– Да это и не важно, – заметил Чернокрыс. – На чём я остановился? Ах да, я представлялся. Мои юные друзья, я советник королевы Индры.

– Настоящей королевы? – У Мортимера округлились глаза.

– Хо-хо! Настоящее и королевее её и быть не может! Но жизнь королевы Индры отмечена печатью скорбного уныния.

– Чего-чего? – спросил Мортимер: ему тяжело было понять заковыристые слова, которыми так щедро сыпал крыс.

– Гр-рм, – произнёс крыс, размышляя, как продолжить. – Королева Индра, видите ли, всей душой желает стать матерью. Трудновыполнимая задача! В последнее время в нашем замке царят сильные чувства.

– Чего? – снова спросил Мортимер.

– Её милость бьёт посуду, – объяснил Чернокрыс и нервно хихикнул. – Скоро ни чашки не останется. И в такой печали королева пребывает оттого, что не может стать матерью. Я же, будучи её советником, в сердце своём положил изыскать способ помочь ей. Можете представить себе мою радость, когда я, после долгих размышлений, вдруг нашёл выход.

– И как тебе это удалось? – спросил я.

– О, это история, достойная удивления! Как-то я совершал свою обычную утреннюю прогулку по лесу: я глубоко погрузился в мысли о печали королевы, но всё же заметил, что земля в одном месте не мёрзлая, а необычно мягкая. Мне вдруг показалось, что я слышу голоса. Детские голоса. Очень-очень слабые, они как будто доносились издалека. Я стал искать, принюхиваться, и мне далеко не сразу открылось, что эти голоса исходят из земли. Бог мой, подумал я, там, в земле, есть маленькие дети! А вдруг я смогу вырыть одного? Вдруг смогу сделать королеву Индру счастливой?

Мы с Мортимером слушали, присев на корточки, а Чернокрыс продолжал свой рассказ. Он принялся рыть так энергично, что из-под лапок вихрем летели чёрная земля, камни и червяки. Дыра становилась всё глубже. Дни сменялись ночами, но Чернокрыс не бросал труда. И вот в один прекрасный день он пробежал под землёй и выбрался на поверхность по ту сторону лаза. Но воздух в том месте оказался совсем не свежим и не сладким: он был густым от жжёного угля и выдыхов паровых машин, он был скверным от нечистот и мусора. Чернокрыс увидел фабрики и дома. Увидел готовые рухнуть лачуги, увидел мощёные улицы – и везде на этих улицах бегали дети. Иные были чистенькими, с розовыми щеками.

– Но некоторые, – заключил крыс, – некоторые были совсем как вы.

Он снова сложил лапки на животе и улыбнулся. Ясно было, что дети вроде нас с Мортимером ему особенно понравились.

– Скажите-ка, мальчики, где живут ваши родители? – спросил крыс.

– У нас нет родителей, они умерли, – ответил я.

– О?

– Мы живём у тёти, – объяснил я.

– Понятно. А позвольте спросить... часто ли вам в тётином доме достаётся фазанье жаркое?

Мы с Мортимером помотали головой. Фазаньего жаркого нам и пробовать не доводилось.

– Нечасто? – уточнил крыс. – Но красивых игрушек у вас хотя бы в достатке?

– Ни одной нет, – ответил я. – Да мы и не успели бы поиграть. Мы целыми днями работаем.

Крыс поцокал языком.

– Ах вы бедняжки... Предположу, что и в шёлковой пижаме вы никогда не спали?

– Нет, – сказал я. – Никогда.

Крыс с довольным видом улыбнулся, помолчал, а потом продолжил:

– У нас, обитателей замка Индры, сколько угодно фазаньего жаркого, игрушек и шёлковых пижам. Но счастливы ли мы? Нет. Мы что ни день страдаем вместе с её милостью, и я, – он с серьёзным видом прижал лапку к груди, – даю вам честное слово, что ребёнок, который последует со мной к моей королеве, дабы утолить её печаль, – этот самый ребёнок получит всё, чего только ни пожелает.

– Я хочу с тобой! – тут же сказал Мортимер.

– Вот и славно! – возликовал крыс. – Исключительно хорошая новость! Не станем же терять времени! Я покажу вам, где лаз.

– Ну, посмотреть-то можно, – пробурчал я. Я не знал, верить ли крысу, но если его рассказ – правда, то всё, конечно, очень хорошо. Да и любопытно мне было, ничего не скажешь.

Крыс помчался вперёд, мы с Мортимером едва поспевали за ним. Пробежали мимо мастерских и фабрик, миновали большую школу, куда ходили дети, которым не нужно было работать, как взрослым. Потом повернули и пробежали мимо больницы, сумасшедшего дома и мертвецкой. Вот и кладбище.

Сюда мощёная дорога уже не доходила. Голая земля была присыпана тонкими, как кружево, прошлогодними листьями. На кладбище не было ни души. Начинало темнеть; каштаны тянули к небу острые ветви, словно желая схватить сумерки и подтащить их поближе, ускорив смену дня и ночи, хода времени, торопя тепло, чтобы побыстрее раскрылись листья. Мы пошли дальше, через северную пашню. В потёмках легко было запнуться о борозды в земле. В чьих-то далёких дворах жёлтыми квадратиками зажигались окна.

– Ну вот и пришли, – выдохнул Чернокрыс и остановился.

При виде дыры в земле меня проняла дрожь.

– Она же маленькая!

– Естественно, – согласился крыс. – Я вырыл узкий лаз с умыслом.

– С каким ещё умыслом?

– Когда я начал рыть, мне пришло в голову, что там, где есть дети, с большой вероятностью есть ещё и взрослые. Женщины, мужчины. И мои подозрения не беспочвенны, не так ли?

– Ну да, верно, – промямлил я.

– Мм! А женщины и мужчины мне в моём лазе совершенно не нужны.

– Почему это? – спросил я.

– Кто их знает, вдруг они окажутся опасными злодеями. – Крыс зажмурился.

– Это верно, – согласился я, потому что тут крыс был прав. Но меня всё-таки пугало, что дыра такая тесная.

– Предлагаю поторопиться, – пискнул Чернокрыс. – Барсучиха как раз готовит ужин. Если фазанье жаркое остынет, оно станет жестковатым.

Я помотал головой и сказал:

– Не пойду. Боюсь.

У крыса в глазах появилось смятение.

– Ну а ты, малыш? – Он посмотрел на Мортимера. – Что ты скажешь, мой юный друг?

– Ни он, ни я в эту дыру не полезем, – сказал я. – Нам пора домой. Пошли, Мортимер.

Я потянул Мортимера за собой через ухабистую пашню. Он шёл неохотно, несколько раз обернулся и чуть не упал.

– Может, хоть попробуем? – сказал он. – Может, лаз только в начале такой тесный?

– Мы и так задержались. Глупо было вообще сюда бежать.

Вскоре нас догнал крыс.

– Зачем такая спешка? – запищал он. – Заверяю вас, бояться совершенно нечего. Я поползу за вами и, если вы застрянете, подтолкну.

– Отвяжись! – Я вдруг понял, что не верю ни единому слову этой твари, в ней было что-то угодливое и лживое. – Отвяжись, а то я тебе хвост надеру!

Крыс живо попятился.

– Н-ну что ж, я не настаиваю. Если вам моё предложение не подходит, я могу обратиться к кому-нибудь ещё. Полагаю, – он огляделся, – я вернусь сюда, когда рассветёт. Если я верно проинформирован, дети с наступлением вечера отправляются в кровать. Прощайте, мальчики. Жаль, но... таково ваше решение.

Крыс повернулся и убежал. Возле дыры в земле он остановился, в последний раз бросил на нас грустный взгляд, юркнул в лаз и исчез.

Мы перепрыгнули канаву, вернулись на дорогу и торопливо зашагали через кладбище. Я видел, как светятся на краю больничного двора белёные стены мертвецкой. Потом мы миновали школу и мастерские. На мосту уже побывал фонарщик. При виде язычков пламени сердце у меня забилося медленнее. Но Мортимер явно загрустил. Я остановился в слабом свете фонаря и взял его за руку.

– Этот крыс хотел нас обмануть. Ты же сам понимаешь.

– Откуда тебе знать?

– В конце лаза нет никаких зелёных лугов и никакой королевы. Крыс хотел заманить нас в ловушку и погубить.

– Зачем?

Я не ответил, потому что сам не знал зачем. Мне хотелось стереть из памяти и крыса, и его речи, никогда больше о нём не думать.

– А теперь бегом, – сказал я. – Монетка у тебя?

Мортимер сунул руку в карман и наморщил лоб:

– Нет.

Когда я услышал «нет», то чуть не задохнулся. Сердце словно задёргалось на привязи, а холодный пот пронзил кожу тысячью булавок.

– Мортимер, если ты потерял деньги... Тюра меня до полусмерти приберёт. Ну пожалуйста, скажи, что монета у тебя.

Мортимер поглубже порылся в кармане и вдруг просиял:

– Вот она! Застряла в подкладке.

Мортимер вытащил руку, но вместе с монетой выворотил наизнанку весь карман. Монетка описала в воздухе дугу, со звоном приземлилась на булыжники и покатилась. Я бросился было за ней, но сразу понял, что не успею, понял, какая катастрофа сейчас произойдёт. Когда она перекатилась через край и упала в воду, я лишь коротко, отчаянно простонал и с размаху лёг на перила. Там, где канула монета, расходились по воде маленькие круги.

– Вот и всё, Мортимер, – прошептал я.

Стоглазая палка

Сейчас я поднимусь по двум лестницам и войду в нашу комнату, думал я, стоя в подъезде. Кругом темнота – в мастерской хотя бы были керосинки на потолке. Я поднимусь по двум лестницам, открою дверь и сразу же всё скажу. Тюра возьмёт палку, побьёт меня, а потом всё кончится. Потом мы с Мортимером ляжем, и я, может, буду плакать, потому что палка бьёт больно, но я буду плакать и от радости, потому что худшее позади. Утром, когда я проснусь, спина у меня будет в синяках. Я встану, и будет больно, но я обрадуюсь этим синякам. Потому что синяки означают, что худшее позади.

Всю дорогу до дома Мортимер молчал, а у дверей посмотрел на меня блестящими от страха глазами. И сказал – он, который почти никогда ни за что не просил прощения:

– Прости меня, Самуэль.

– Ты не виноват, – ответил я. – Всё вышло случайно. Пошли.

И я поднялся на второй этаж, в нашу комнату. Мортимер шёл следом. На первом этаже я услышал, как ссорятся соседи; где-то наверху кричали дети. Во дворе кто-то пел. Когда мы поднялись на второй этаж, я сразу открыл дверь.

Тюра с мокрыми от пота волосами лежала в кровати. Пламя вовсю горело в лампе, хотя это и было расточительством. В комнате стоял сильный запах, но пахло не полиролью. Запoтевшее окошко плакало. Тюра подняла голову, и лицо у неё перекошилось от злости.

– Явились, – проскрежетала она. – Где вас носило?

– Мы потеряли деньги, – ответил я, потому что уже решил, что именно так и сделаю. Скажу сразу, чтобы всё побыстрее кончилось.

Тюра уставилась на меня. Понять, о чём она думает, было невозможно. Наконец она спросила:

– Что-что вы сделали?

– Потеряли деньги. Которые получили от старшего мастера. Двадцать пять эре. Монета упала в реку.

Тётка со стонами выбралась из кровати. Палка – гнусная, отвратительная палка, которая обычно бывала засунута за комод, – стояла теперь прислонённая к изголовью кровати. Тётке она, конечно, была нужна, чтобы ходить. Сжав клюку, Тюра, хромая, приблизилась к нам и, не говоря ни слова, сунула руку мне в карман штанов. Потом – в другой карман. Значит, она всё-таки думала, что я утаил монету. Припрятал, чтобы купить себе конфет.

– Я правду сказал. Мы остановились на мосту поговорить...

– О чём?

Я колебался, зная, что она не поверит моему рассказу о говорящей крысе. Если я выступлю с этой историей, она только пуше разозлится. Нет, про Чернокрыса лучше не упоминать.

– Ни о чём особенном. Я только хотел убедиться, что монета всё ещё в кармане у Мортимера. Когда он полез проверять, она выскользнула и упала в воду.

Тюра прищурилась:

– В кармане у Мортимера?

Я кивнул.

– Ты что, разрешил брату нести монету?

– Да.

– Почему?

– Чтобы... чтобы порадовать его, – промямлил я.

– Порадовать?

Я снова кивнул.

Тюра долго стояла молча, полуоткрыв рот, как будто не могла уразуметь услышанное. Потом вдруг обыскала карманы Мортимера, но и там ничего не нашла. И ей пришлось поверить, что монета упала в воду. Губы у неё сжались, глаза выпучились.

– Как ты мог? – закричала она. – Как ты мог доверить ему деньги? Он же ещё маленький!

– Может, пойти поискать? – торопливо сказал я. – Ну, то есть завтра утром?

Тюра хрипло, горько рассмеялась:

– Поискать? Ты что, умеешь плавать?

– Нет, – прошептал я.

Я смотрел, как её рука крепче обхватывает клюку, как проступают костяшки под тонкой кожей.

– Нет, ты не умеешь плавать. И я не умею плавать. А маленький болван, которому ты отдал мои деньги, и подавно не умеет. Я просрочила с платой квартирному хозяину, в продуктовой лавке у меня долгов по горло. Да ещё мы, трое бедолаг, не умеем плавать. Что мне, потвоему, делать?

Я тяжело сглотнул, стараясь не смотреть на узловатую палку – как же я её ненавижу! – стараясь не думать об ударах, о том, какой жгучей бывает боль, когда лопается кожа. Палка была усеяна глазками от сучков, напоминающими злобные зенки.

– Не знаю, – промямлил я.

Молчание. Я смотрел в пол, боясь пошевелиться.

И тут Тюра издала какой-то шипящий звук, словно судорожно втянула в себя воздух. Я поднял глаза. Она плакала.

Мы с Мортимером покосились друг на друга. Я не знал, что делать. Мне было противно от этих слёз, я никогда ещё не видел, чтобы тётка плакала. Рот у неё кривился, словно в какой-то удивительной усмешке, по щекам лились слёзы. Тюра повернулась и заковыляла назад, к кровати. Палка неровно стучала по полу.

И тут до меня наконец дошло, что Тюра решила не бить меня. Не знаю почему. Тётка столько раз била меня за проступки, которые в сравнении с сегодняшним казались сущими пустяками. Может, ей так больно, что сил не хватает? Может, она в таком горе из-за денег, что всё остальное уже не важно? Тюра, тихо плача, села на край кровати, и в этот вечер ничего больше не случилось бы, если бы Мортимер в этот момент не произнёс:

– Разревелась.

Тюра подняла глаза, вытерла щёки и спросила:

– Что ты сказал?

– Не смей обзывать меня болваном, – сказал Мортимер.

– Ты что, рехнулся? – прошептал я.

Тюра наморщила лоб и снова спросила:

– Что ты сказал?

– Ты сама болванка, – не унимался Мортимер.

Мне захотелось провалиться сквозь пол. Я никак, ни за что не мог понять, откуда в нём столько смелости – нет, безумия. Может, его обманули тёткины слёзы? Может, он решил, что из-за слёз Тюра стала слабой, а мы сильными?

Тюра поднялась, подошла к нам и остановилась так близко, что Мортимер попятился. Тут он понял, что сказал лишнее. Понял, но не отступился. Он снова заговорил, на этот раз шёпотом:

– Ты даже не знаешь, как меня зовут на самом деле.

Тюра быстро взглянула на меня. Конечно, она поняла, о чём мы говорили с Мортимером без её ведома. Губы у неё снова сжались, ноздри раздулись. Непослушания она не потерпит. При виде непослушных детей у неё белело лицо и темнели глаза, словно они угрожали ей, пугали её. Словно они были чудовищами, которых она безмерно ненавидела.

– Да нет, я знаю, как тебя зовут, – сказала она. – А вот ты знаешь ли? Хотелось бы услышать.

Глядя в пол, Мортимер выговорил:

– Иммер.

Тюра в мгновение ока перехватила клюку и оперлась о стену, чтобы не упасть. Мортимер, белый как простыня, не шелохнулся. На лице брата тёмными были теперь только брови. Сердитые, тёмные, непокорные брови. Тюра занесла палку и обрушила на него первый удар. От боли Мортимер вжал голову в плечи, но стиснул зубы и не закричал.

– Неправильно, – сказала Тюра. – Ещё раз?

– Скажи «Мортимер», – прошептал я.

Мортимер молчал.

Тюра снова занесла палку и ударила.

– Ну?

Мортимер отказывался говорить.

Тётка била его без устали, и всё время, что она его била, я стоял оцепеневший, до смерти напуганный и смотрел. Я не мог двинуться, не мог заговорить. Я словно обратился в камень, и каждый удар, обрушивавшийся на спину Мортимера, гулом отзывался в моём каменном теле, словно в него била молния.

Тюра решила сделать передышку и впиалась взглядом в Мортимера.

– Говори, как тебя зовут.

Мортимер поднял глаза. Лицо его стало липким от слёз и соплей.

– Меня зовут Иммер.

Тюра занесла палку и принялась снова избивать его. И сквозь тяжёлые шлепки слышался голос Мортимера: «Так называли меня мама и папа! Это моё настоящее имя. И поэтому я никогда его не забуду!»

– А теперь спать! – рявкнула Тюра. – Спать, и чтобы я ни слова больше не слышала! – Она ткнула палкой в меня. – И ты тоже, сто несчастий.

Я убежал в угол и торопливо улёгся на матрас. Следом пришёл Мортимер; укладываясь, он всё ещё плакал. Тюра готовилась ко сну: потушила лампу, разделась, распустила длинные волосы, непрерывно вздыхая и охая над больной ногой. Наконец она улеглась. И доброй ночи не пожелала. В комнате стало тихо. Где-то доругивались соседи.

Наконец Мортимер перестал плакать. А я задумался: сколько же ночей я лежал на этом матрасе, представляя себе, как вырву палку у тётки из рук, пусть только попробует обидеть Мортимера. Я воображал, как злость придаёт мне сил, как я луплю Тюру до тех пор, пока она не станет умолять о пощаде. Но сейчас я думал, что оказался совсем не тем, за кого себя принимал. Я трус, я никогда не разозлюсь настолько, чтобы злость придала мне сил.

– Ты спишь? – прошептал я, хотя видел, что Мортимер лежит с открытыми глазами. Других слов я просто не мог придумать.

Мортимер молча смотрел на звезды, и было непонятно, о чём он думает. Наконец брат отвернулся и подтянул колени к груди. Мне захотелось погладить его по голове, но я не осмелился. Просто лежал, смотрел на его пушистые светлые волосы и был сам себе противен. Звук ударов эхом стоял у меня в ушах. Час уходил за часом. Луна выплыла из-за туч, и последнее, о чём я успел подумать, прежде чем наконец уснуть, – что луна похожа на некий предмет, отполированный кровавиком и жёсткой щёткой.

Дорога

Сначала я решил, что вижу сон. Посреди ночи меня разбудил лёгкий стук, словно кто-то ходил по комнате. Я сел. Место рядом со мной оказалось пустым. Я осторожно выполз из-за дымохода и обнаружил, что дверь открыта, а Мортимер стоит на пороге и пристально смотрит на меня. Ждал ли он, что я проснусь? Или собрался уходить, но в последний миг не удержался и обернулся посмотреть на меня? На прощание?

– Мортимер! – шёпотом позвал я.

Тюра заворчалась во сне, что-то простонала. Я начал понимать, что не сплю. Что всё это наяву.

– Что ты задумал?

Мортимер не ответил. Лунный свет упал на его бледное лицо, очень серьёзное. Внезапно он повернулся и скрылся в коридоре.

– Подожди!

Я вскочил и кинулся за ним. Мортимер уже спускался по лестнице. Маленькая фигурка удалялась в темноте быстро, как тень.

– Мортимер, стой!..

На крутой лестнице я испугался, что оступлюсь, судорожно схватился за перила и неуклюже поскакал через две-три ступеньки зараз; меня подгоняли удары сердца. А вдруг Тюра проснулась от моего крика? Да какая разница. Мне казалось, что Мортимер вот-вот исчезнет.

Добравшись до нижнего этажа, я распахнул дверь и промчался в ворота. Мортимер уже бежал по мостовой, показываясь, когда луна появлялась, и исчезая, когда луна скрывалась за чёрными тучами.

– Пожалуйста, подожди!

Наконец Мортимер остановился. Грудь у него ходила ходуном под тонкой рубашкой, возле носа клубились облачка пара.

– Что на тебя нашло? – спросил я. – Ты куда собрался?

Мортимер молча уставился на булыжники.

– Искать монету? Ты же понимаешь, как это опасно!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.